

РОДОСЛОВИЕ

Я сибиряк, три родины во мне:
Престольный юный Томск бело-зелёный,
На снеговой вознёсшийся волне,
Южнее чуть глухой Нарымской зоны.

И древние мордовские Тавлы,
Где иволги поют на угро-финском,
Отцова отчина, духовные тылы
В краю покинутом, но сердцу близком.

И колокольный до краёв Тамбов,
Заветный кров моей нездешней мамы.
Священнический гордый род Лавров
Оберегал в нём горестные храмы.

Три родины, и я в них заключён,
В три стóроны душа моя стремится,
Захватывая вечный небосклон
И смутные российские границы.

Я сибиряк, но Родина – одна,
Я из былины, летописи, сказки.
От прусских отмелей и до хребтов Аляски
Моя отчизна – русская страна.

ИДЕОЛОГИЯ

Широко раскрыты ворота,
Нараспашку пёстрая рубашка.
И душа простором налита,
Ей, душе, неведома промашка.

Крупно всё, открыто для людей,
Говором и добротой богато...
Человек не может без идей,
Только неминуема расплата.

Не собрать телеги без оси,
Не поехать, не подмазав ступиц.
У берёзы дёгтя попроси,
Р а д о с т и – у деревенских улиц.

А теперь – со свистом! Но куда,
Вот вопрос: куда направить дроги?
Как проехать, если ни следа,
Ни столба, ни цели, ни дороги!

Ты, возница, вожжи отпусти,
Лошадь доведёт, у ней понятие...
На Руси идеи не в чести,
Лишь благословенье и проклятье.

ТЕМА

Сквозь разряжённый воздух слов
Прошёл я, задержав дыханье.

Всё помнит кровь: и отчий кров,
И холод вечного скитанья.

Волненьем тело налито,
В нём музыка, восторг Вселенной.

Ничто не гибнет, только то,
Что не имеет сердца, тленно.

Было время потрясений,
Жизнь без отдыха,
Ныне время сотрясений
Воздуха.

Мне не скрыться от вибраций,
Дрожь дорожная.
Жить в покое резервации
Тоже можно.

Будто вынули из слова
Божье семечко.
Бьётся в темя бестолково
Времечко.

ДАНИИЛ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Иордан с родной рекою Сновь
Схож, да только глубже и печальней.

Росная, пустынная любовь
Слёзы источала изначально.

«Аз тебя измерил много раз
И перебродил твои глубины...»

Я не отрывал бессонных глаз
От своей славянской Палестины.

Сновь река да Иордан река
Слись в моём сердце воедино.

Пальма зелена и высока,
Вербы купина
Неопалима.

Весь век на выщербленный склон
Смотрел с презрением и горечью,
Был в восхождение влюблён,
И вышел – выжил с Божьей помощью.
Достиг вершины ледяной
И обессилел перед будущим:
Чужие кущи предо мной,
А за спиной – родные пустоши.
И высится вдали гора,
И вижу, как по склону каменному
Восходит день...
Но мне пора
Обратно, в пустошь,
к дому маминому.

Мать ребёнку говорит: «Сокровище,
Моя кровиночка, точь-в-точь папаша!»
И даже если в нём сидит чудовище,
Она поёт ему: «Ты радость наша,
Ты чудо наше!» – и черты смягчаются,
И проступает свет в обличье новом...
Как я могу в своей любви отчаяться,
Одушевлённый материнским словом!

МАЛЫЯ БЫЛИНА

Пришлось выходить на огромный простор,
Врага победить и поставить шатёр,
Друзей помянуть, от души погулять,
На Русской равнине улечься – и спать.
Указа не писано богатырям,
Их сон беспробудный стеречь матерям.
С войны справедливой вернулись сыны...
Проснулись: ни матери нет, ни страны.

КОРАБЕЛЬНАЯ СОСНА

Столетиями выковывался ствол.
В. П.

Погибнуть или прогнуться,
Вот выбор, а ветер силён.

Был некогда деревцем куцом,
А стал подпирать небосклон.

Корою, что панцирем, схвачен,
Я вынужден быть гордецом.

Прогнуться нельзя мне иначе.
Чем грохнувшись оземь лицом.

НА ПРУДУ

«Вода холодная?» – спросила ты.
«Дно илистое!» – быстро отвечаю.
И это значит, что, цепляясь за кусты,
Я просто о-ко-че-не-ва-ю.

Конечно, я бы мог лишь повторить
Твои слова, снимая знак вопроса,
Когда бы просто мог я говорить,
Но мне такая не даётся проза.

Подкручивая нервы и слова,
Ищу я фразы с тайной подоплёкой,
Но все же ты, любимая, права:
«Да, да, холодная! И вот ещё – глубоко!»

И если б сразу я ответил так,
То вмиг забылось утро неземное,
И светлый берег, и прозрачный знак,
Что мне тепло, всегда тепло с тобою!

ДОМНА

Героической правдою послевоенной
От рождения полон по самое сердце,
В этой жизненной топке смолистым поленом
Всё сгораю и всё не могу я согреться.

И согреть не могу тех, кто верит и любит,
Этим бедным огнём после бед и сражений...
Только рудные угли оставили люди,
Только пепел сгоревших в печи поколений.

* * *

Есть люди – льды, есть люди – выюги,
Но есть ещё цветущий люд.
Воспоминанием о юге
На Крайнем Севере живут.
Готовы мы к преображенью,
И нам доступен высший час.
На Крайнем Севере
Цветенье
Сильней всего
Волнует нас.

* * *

Мало услышать меня, хорошо бы ещё и увидеть,
Я ведь в реченьях не весь, много найдёшь и поверх
Скорбной обители слов. Я ведь ещё повелитель
Трав молчаливых и мхов, смех мой ещё не померк.

Время пришлось мне отдать городам и дорогам бетонным,
За арендованный рай звонкой душой заплатить.
Вон птеродактиль дюралевый сшибся с железным тритоном,
Это ведь тоже мой дух, он омертвел во плоти.

Если б не тлеющий свет, указующий путь к моим предкам,
Если бы не тишина чистой сибирской тайги,
Стал бы я книгой навек, гипсовым, гибельным слепком,
Но я живу, я живой... Господи, помоги!

КАРТИНА

Ко дню венчания

Время наше в детях лишь заметно,
И растёт и зреет только в них,
Остальное – просто волны света,
Что не знают горестей земных.

Вот и мы, как мир наш, неизменны,
Время спит и нам дарует сны.
В горизонты, как в живые стены,
Так прекрасно мы заключены!

* * *

По Северу мощи нетленные
Усопших давно деревень,
Покойные тени степенные –
Поморье, Печёра, Мезень.

Их души предзримыми стаями
Поднялись с заросших полей.
Иль русскими быть перестали мы,
Иль город деревни милей?

Но брёвен благоухание
Полярные льды сохранят!
И с тайною нашею встанем мы,
И предки нас благословят.